

ОДНО ЗВЕНО.
ОДИН ВЫБОР.
ОДНА
ЦЕПЬ.

ЗАВОД
ПРОМПРИБОР
ОСНОВАН
1967

ЦЕПЬ

РОМАН О ВИНЕ, ПРОШЛОМ
И ТОМ, ЧТО СВЯЗЫВАЕТ НАС

Дмитрий Попов

Цепь

<https://litres.ru/74396133>

SelfPub; 2026

Аннотация

ДВЕ ЖИЗНИ - ОДИН ОГОНЬ Повесть о случайной любви и
неслучайной смертию

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Цепь

Глава первая

Дождь начался ещё в семь, а к полуночи превратился в тот безнадёжный октябрьский ливень, после которого город неделю пахнет мокрым железом. Игорь Матвеевич выключил паяльник, хотя работа не была закончена — просто устал держать спину прямой. За окном, забранным решёткой ещё с тех времён, когда здесь и правда было что охранять, гудел город, которому не было до него никакого дела.

Он снял очки, потёр переносицу и посмотрел на стенд перед собой. Плата для интегратора, которую он третью неделю собирал без всякой цели — просто чтобы руки были заняты, просто чтобы вечер во что-то превращался, кроме тишины. Никто не заказывал эту плату. Никто, кроме него самого, не знал, что она вообще существует.

Лаборатория занимала весь первый этаж бывшего заводоуправления — когда-то, пятнадцать лет назад, здесь пахло амбицией: новые станки, стажёры из политеха, инвесторы, которые приезжали на чёрных машинах и уезжали, кивая с уважением. Теперь — три работающих стола из двенадцати,

остальные закрыты полиэтиленом, будто мебель в доме, откуда все выехали. Он и выехал, если говорить честно. Просто забыл вывезти себя вместе с остальными.

За окном лязгнуло — то ли ветром сорвало жестяной лист с козырька, то ли кто-то толкнул калитку. Игорь Матвеевич не сразу поднял голову: звуки в этом здании давно перестали быть новостью, оно скрипело и вздыхало само по себе, как старик, которому не спится. Но потом раздался стук — не ветер, не жёсть. Тихий, неуверенный, в дверь чёрного хода.

Он подумал не открывать. Подумал так же, как думал последние семь лет обо всём, что стучалось в его жизнь — просто переждать, само пройдёт. Но стук повторился, и в нём было что-то другое — не настойчивость, а отчаяние человека, который стучит из последних сил и уже готов, что ему не откроют.

Он подошёл, отодвинул засов.

На пороге, вжавшись в простенок, стояла девушка — мокрая насквозь, без куртки, в разорванной у ворота футболке. Левый глаз заплыл, губа рассечена, по скуле — уже подсохшая, смытая дождём до бурых разводов кровь. Она держалась за косяк, будто без этого не устояла бы на ногах, и смотрела на него снизу вверх с тем выражением, которое он не

видел много лет, но узнал сразу — так смотрят не на человека, а на дверь, за которой, может быть, есть шанс.

— Извините, — сказала она, и голос сорвался на середине слова. — Здесь... можно?

Он не ответил сразу. Оценивал — не её, а ситуацию: нет ли за ней погони, не стоит ли кто в тени у забора. Улица была пуста, только дождь.

— Заходи, — сказал он наконец, и отступил, пропуская её внутрь, в сухое, в свет старой лампы, под которым было видно куда яснее, насколько ей плохо.

Она вошла, оставляя мокрые следы на бетонном полу, и остановилась посреди зала, среди накрытых полиэтиленом столов, будто попала в музей, экспонаты которого забыли подписать. Обхватила себя руками — не столько от холода, сколько чтобы стать меньше, незаметнее.

Игорь Матвеевич закрыл дверь на засов. Обернулся, посмотрел на неё внимательнее — рассечённая бровь, судя по всему, требовала швов, на предплечье — след, слишком ровный для случайного ушиба, будто кто-то держал её за руку с силой, не рассчитанной на то, что кожа тоже живая.

— Сядь, — сказал он, кивнув на стул у ближайшего стола, и голос его прозвучал суше, чем он хотел, — по привычке командовать людьми, которая осталась у него от совсем другой жизни. — Аптечка у меня приличная. Останется шрам, если не зашить сейчас.

— Вы врач? — спросила она, садясь так осторожно, будто каждое движение стоило ей отдельного усилия.

— Нет. — Он уже доставал из шкафа старый военный подсумок, потемневший от времени брезент, пряжки, стёртые до блеска. — Просто когда-то пришлось научиться.

Он не стал объяснять — где, когда, зачем. Она не спросила снова. Оба, кажется, понимали в ту минуту не сговариваясь: у каждого есть вещи, о которых не спрашивают в первую же ночь.

Он придвинул лампу ближе, вымыл руки в раковине у стены — той самой, где раньше мыли руки перед сборкой прецизионных схем, — и приступил к работе молча, деловито, будто перед ним была не человеческая бровь, а очередная плата, которую нужно было аккуратно спаять. Она сидела не дыша, вцепившись пальцами в край стула, и только один раз, когда игла прошла особенно глубоко, издала короткий сдавленный звук — и тут же зажала его сама, будто стыдясь.

— Терпи, — сказал он, не отрываясь от шва. — Ещё три.

— Терплю, — ответила она сквозь зубы, и в этом слове было упрямство, которое он отметил про себя, хотя вида не подал.

Когда с бровью было покончено, он потянулся за марлей — и тут заметил, что футболка у ворота порвана не случайно: ткань была стянута в сторону, будто её схватили и рванули на себя.

— Сними ... то есть верх сними, — поправился он, — мне нужно посмотреть, что там.

Она замерла на секунду, потом молча стянула футболку до плеча, придерживая её у груди рукой. Выше ключицы, наискось, тянулся порез — глубокий, с рваными, неровными краями, как оставляет не нож, а что-то случайное под руку: осколок, угол мебели, край разбитой посуды. Кровь вокруг успела свернуться и потемнеть, кожа по краям раны опухла.

— Это давно, — сказал он не как вопрос. — Часов шесть, не меньше.

— Не знаю, — тихо ответила она. — Я не считала.

Он снова вымыл руки, надел перчатки из коробки на полке — старые, просроченные, лучше, чем ничего — и промыл рану антисептиком, прежде чем взяться за иглу. Работал так же молча, но медленнее, чем с бровью: порез был глубже, задевал не только кожу, и стянуть его требовалось так, чтобы не осталось кармана для нагноения. Она держалась за край стола обеими руками и один раз тихо охнула, когда игла прошла у самой ключицы — он на секунду остановился, посмотрел ей в лицо, не сказал ничего, и продолжил.

Закончив шов, он достал из аптечки блистер таблеток, выдавил две в ладонь.

— Амоксициллин. Пей сейчас одну, вторую — утром. Рана глубокая, воспалится — дело не в шраме будет, а в заражении.

Она послушно проглотила таблетку, запив водой из кружки, которую он молча пододвинул.

Он нанёс на шов тонкий слой геля — прозрачного, с резковатым больничным запахом — и заклеил рану стерильной повязкой, разгладив края пластыря так аккуратно, будто изолировал контакт на плате, чтобы не было замыкания.

— Повязку будем менять раз в день, гель — под неё же. Через неделю сниму швы, если раньше не разойдутся от резких движений, — сказал он, стягивая перчатки. — Бровь я заклеил пластырем, шов там мельче — заживёт быстрее.

Когда всё было закончено, он отступил на шаг, осмотрел работу профессиональным взглядом — не то, чтобы гордился, но привычка оценивать качество не оставляла его ни в чём.

— До свадьбы заживёт, — сказал он сухо, без тени улыбки, и сам не понял, зачем произнёс эту фразу — глупую, дежурную, из какой-то прежней жизни, где ещё шутили.

Девушка коротко, судорожно усмехнулась — первая эмоция за весь вечер, не похожая на страх.

— Меня зовут Ася, — сказала она, будто это могло быть платой за помощь.

— Игорь Матвеевич, — ответил он и, не дожидаясь дальнейших разговоров, отвернулся к раковине — мыть руки, убирать подсушок, возвращать себе привычную дистанцию. — Диван за той перегородкой. Дверь на улицу я запру. Уйдёшь, когда сама решишь — не раньше.

Он не спросил, куда ей идти, если решит уйти сейчас, в дождь, ночью, с рассечённой бровью. Не спросил, кто это сделал. Вопросы означали бы, что он впускает её историю в свою — а он давно отучил себя впускать в свою жизнь чужие истории, зная, что они не заканчиваются там, где заканчивается вежливость.

Ася долго сидела неподвижно, глядя, как он возвращается к своему стенду под лампой, будто её не было в комнате вовсе. Потом легла, не раздеваясь, на продавленный диван за перегородкой, и лаборатория погрузилась в тишину, нарушаемую только дождём по жестяной крыше и редким, методичным щелчком какого-то цифрового прибора — звуком человека, который снова, как каждый вечер уже семь лет, чинит то, что давно не сломано, лишь бы не оставаться наедине с тишиной.

Глава вторая

Утро пришло серым, без просвета — дождь за ночь не кончился, только сменил тон, с ливня на морось, которая цеплялась за стёкла и не собиралась никуда уходить. Игорь Матвеевич проснулся в кресле у стенда, в той же позе, в которой уснул, — шея затекла, во рту стоял привкус вчерашнего кофе. Он не сразу вспомнил, почему в лаборатории пахнет не только паяльной канифолью, но и чем-то чужим — влажной тканью, аптекой.

Ася ещё спала. Он подошёл проверить швы — не из заботы, сказал он себе, а потому что сепсис после такой раны не редкость, и если начнётся воспаление, к обеду будет поздно что-либо делать. Встал над диваном, наклонился, чтобы отвести край повязки.

При дневном, пусть и сером, свете он рассмотрел её лицо иначе, чем ночью, под лампой, второпях. Заплывший глаз уже начал спадать, проступили скулы — высокие, резкие, того рисунка, что не портится ни ссадиной, ни отёком. Рассечённая бровь, аккуратно стянутая его же швом, не портила лица, а будто подчёркивала его — так одна трещина на фарфоре иногда делает вещь ценнее, а не хуже. Он отметил

это без удовольствия, скорее с тем же холодным вниманием, с каким осматривал бы непонятную маркировку на корпусе прибора: факт, который нужно зафиксировать и отложить.

«Красивая», — подумал он одним словом, без развития мысли, и тут же придвинул к себе эту мысль подальше, как отодвигают от края стола инструмент, который может упасть и разбиться. Красота была не его делом. Он давно вычеркнул это из списка вещей, которые имеют для него значение, — вычеркнул в тот год, когда красивая женщина, которую он любил двадцать три года, ушла, забрав с собой убеждённость, что чувствам вообще можно доверять.

Он осторожно снял размокший пластырь с брови — шов держался хорошо, покраснения не было. Перешёл к повязке на груди — Ася вздрогнула во сне от прикосновения, но не проснулась. Отвёл угол повязки в сторону, осмотрел края раны: чуть тёплые на ощупь, но без характерной красноты, без того сального блеска, который обычно предвещает нагноение. Что ж, если и будет сепсис, то не сегодня. Ася боялась подать виду, что ей немного больно.

Он наложил свежий гель, новую повязку, зафиксировал её так же аккуратно, как в первый раз, и только тогда она открыла глаза — не испуганно, а с тем спокойствием, с каким просыпаются люди, слишком уставшие, чтобы бояться

очередного утра.

— Как рана? — спросила она хрипло.

— Терпимо. Красноты нет, это хорошо. — Он выпрямился, отступил на шаг, снова возвращая между ними дистанцию, будто она была деталью, которую только что вернули на своё место в схеме. — Ещё таблетку выпей. И постарайся не поднимать левую руку выше плеча — шов свежий.

Она кивнула, села, поморщившись, и потянулась за кружкой воды с пола.

Игорь Матвеевич отвернулся к стенду — не потому что там было срочное дело, а потому что стоять и смотреть на неё дальше означало продолжать ту мысль, которую он только что отодвинул. Он взял паяльник, хотя рука ещё плохо слушалась после бессонной ночи, и включил его — не для работы. Просто чтобы руки снова были заняты чем-то, кроме наблюдения.

Швы, аптечка, спокойствие в чужой крови — всё это осталось с той жизни, о которой он не рассказывал даже жене, пока она была рядом. Служба, часть связи, закрытая настолько, что даже спустя тридцать пять лет он по привычке не называл вслух ни номер части, ни город. Молодым лейтенантом

он месяц за месяцем сидел в бункерах, где полевой хирургии учили не из милосердия, а из необходимости: если что-то случалось за сотни километров от ближайшего госпиталя, помочь себе и товарищу должен был уметь каждый, не дожидаясь врача. Тогда это казалось частью службы, такой же обязательной, как шифросвязь и коды. Спустя годы, когда форма давно была убрана на антресоль, а сама часть, кажется, расформирована и забыта, руки помнили лучше, чем память, — узел за узлом, шов за швом, будто тело хранило то, от чего отказался разум.

Глава третья

К вечеру Ася стала вялой, отвечала невпопад, а когда он тронул её лоб тыльной стороной ладони — привычка из тех же армейских времён, что и умение шить, — кожа под пальцами была не по-хорошему горячей.

— Дай градусник, — сказал он, хотя уже понимал ответ по одному прикосновению.

Тридцать восемь и девять. Он снял повязку — рана на груди изменилась за несколько часов: края покраснели, вокруг шва проступила отёчность, которой утром не было, а из-под нитки, если присмотреться, сочилось что-то мутное, не похожее на обычную сукровицу.

— Началось, — сказал он вслух, скорее себе, чем ей. — Амоксициллина мало для такого. Нужен другой, посильнее, и лучше уколами, а не таблетками — иначе не угонимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.